

НИК ПЕРУМОВ

Я, ВСЕСЛАВ

Славянское Фэнтези

Ник Перумов

Я, Всеслав

«Феникс»

1996-2008

Перумов Н.

Я, Всеслав / Н. Перумов — «Феникс», 1996-2008

ISBN 978-5-222-37426-9

Сборник рассказов писателя-фантаста Ника Перумова в стиле «славянское фэнтези». Боги большинства стран мира пали под натиском Белого Христа. Теперь могучий чародей, хранитель Русского Меча – артефакта, не раз спасавшего нашу землю от врагов, – и главный защитник всей русской земли князь Всеслав Полоцкий вынужден скрываться в забытой глубинке, пока его родная страна превращается в младшего партнера Западного мира. Но на протяжении многих веков Всеслав ведёт свою борьбу и защищает от посягательств врагов оставшихся духов, домовых и других помощников славянских богов. Не сдастся он и на это раз! «Меч, что мне доверено хранить, не просто чудо-оружие, что броню станет резать, как масло. Он вступает в бой, только когда сам считает это нужным. В минуту крайней, архинаипоследней нужды, когда все прочие резервы уже исчерпаны и остаётся надеяться только на чудо», – говорит Всеслав. И Русь будет и дальше свободной и счастливой.

ISBN 978-5-222-37426-9

© Перумов Н., 1996-2008

© Феникс, 1996-2008

Содержание

Русский Меч	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ник Перумов Я, Всеслав (сборник)

Русский Меч

Утро. Туман живым покрывалом затянул поля, укрыл молодую поросль колосьев. Умаявшись, вздохнул, утёр честный трудовой пот старичок-домовик; ночь кончилась, пора на покой, в дальний запечный угол, отсыпаться. В хлеву доканчивали ночную работу овинник и явившийся сегодня ему на подмогу гуменник – оба тощие, патлатые, бороды словно сенные вязки.

Над землёй тучи и ветры. Небесные пастухи борзо гонят свои тучные стада к одним лишь им ведомым пастбищам. Невесомые копыта света вонзаются в предутреннюю хмарь, всякий ночной зверь торопится укрыться в логовище, неважно, удачна оказалась охота или нет. Нехотя отступают, уползают в потайные ухоронки и те, кто не наделён плотью, но оттого куда опаснее любого зверя. Впрочем, *этим* теперь тут поживиться нечем – простые люди давно покинули здешние места. Остался один я. Ну а со мной у них едва ли что получится.

Славное сегодня утро. Редко выдаётся такое. И забывается весь хаос, царящий вокруг моей деревушки. Разруха, развал, запустение. Кое-где – так даже и голодуха. Что-то начало исправляться, правда, особенно когда на местах ни с того ни с сего осильнели попы...

С молитвами у нас теперь всё в порядке; да, видать, далека небесная канцелярия, не достигают слуха *тамошних* наши вопли и стенания. Оно и понятно – жизнь земная есть миг перед жизнью вечной, и чем больше претерпел ты безропотно мучений, тем светлее тебе будет «там».

Не знаю, не бывал, не видал. Таким, как я, нет ходу в занебесные пределы.

Живу я одиноко и замкнуто. Гостей не бывало давным-давно. В восьми километрах от моей деревеньки – железная дорога и полуживой посёлок-станция Киприя. Когда-то селились там мастеровитые и хозяйственные люди, и лесопилки имелись, и смолокурни, брали камень на гранитном карьере, охотились, огородничали, рыбу ловили незаконными сетями в лесных озёрах – а теперь на одной только станции ещё что-то теплится. Ушло, всё ушло, простая и честная жизнь, когда вопросами не задавались, жили от рассвета до заката, прямо смотрели в глаза каждому дню, брали немудрёные удовольствия от ночи, – а теперь? Ряды пустых заколоченных домов, никому, а особенно спивающимся в городах внукам-правнукам, не нужных. Даже даром дома эти никто не возьмёт. Правда, появился последнее лето тут новый батюшка, повертелся-повертелся, да и подвиг немногих оставшихся мужиков обновить полуразвалившуюся церквушку, в которой при коммунистах сделали что-то вроде склада, а потом и его забросили – всё разворовали, хранить нечего стало. А потом уже и воровать стало некому. Сейчас же вот и вовсе неслыханное дело случилось – приехала семья русских-бежан, заняла пустые земли, три участка в один слили, дом срубили, огород – глазом не окинешь, и работают. Пока ещё не пустили им красного петуха немногие оставшиеся пропойцы.

И в то утро – как чувствовал: беда идёт.

Бед у нас вообще-то хватает. Но то беды обычные, такому, как я, привычные: задерутся ли с горького отчаяния домовики в брошенных избах, или неприкаянно мыкающиеся полевики повздорят с лешими, каждую весну упорно пытающимися вернуть под лесную длань давно заброшенные пашни. Но с этим я умею справляться. Куда хуже, когда в мои пенаты забредают совсем другие личности.

Вот как сегодня.

Я заметил их издали. Парень и девушка, молодые, она – лет двадцати, он чуть постарше. Красивые, сильные. Над плечами чудовищными горбами вздымаются рюкзаки, а их носите-

лям – хоть бы что. Идут легко, упруго, словно и не месили непролазную после выпавших неделю назад дождей грязь восемь вёрст от станции до Осташёва...

Парень и девушка вынырнули из-за зелёных кулис разросшегося ивняка. Там, на краю старого поля, журчал ручей. Беззаботный, он проложил себе путь прямо поперёк заброшенной дороги, не желая знать ни о людях, ни об их заботах. И верно – всем не угодишь.

Однако, непорядок, подумал я. Куда ж смотрели мои лесные доглядчики и прознатчики, коих я не один месяц приваживал, приспособливая к делу? Почему не подняли тревогу, отчего не предупредили?

Нехорошо. Смутно стало, недобро и мозжливо, словно в тёплый июньский день со всего размаху окупнуться в ледяной, ведьмой напущенный туман.

Но заведомо проиграл тот, кто с дрекольем слепо пойдёт на окольчуженного витязя. То, что неведомые гости идут именно ко мне, я не сомневался. Что ещё делать в моём Осташёве тем, кто способен незамеченным проскользнуть мимо стражей, расставленных на всех дорогах, тропах, бродах и пролазах?

Встретим их, как подобает по древнему обычаю. И неважно, что о нём почти все забыли. Важно, что я не забыл.

Я откинул крышку и полез в подпол. Замотанные марлей, там стояли ряды глиняных глетчиков с молоком – домовик постарался. Гости дорогие наверняка не побрезгуют с дороги; а там и видно станет, что у них на уме. С кем хлеб преломил, с кем в путь вышел, с кем спиной к спине стоял – вспомнилось старое присловье. Нет, конечно, я понимаю: сейчас это для властей предрержащих и слуг их верных – пустой звук; но того не ведают, что, садясь за стол с таким, как я, – многое можно мне рассказать, даже ни слова не произнеся.

Возился я недолго, – вылезал, собирал на стол нехитрое лесное угощение: грибы, соленья, варенья, маринады, мед опять же, – а двое путников подошли уже к самой избе. Постучались – в дверь, что открывается на улицу, хотя и видели, что не заперто. Городские, сразу видно. Деревенские стали б стучать только в сенях, перед тем как в горницу войти. Да только, почитай, и не осталось у нас в округе настоящих деревенских людей – тех, кем Русь всегда стояла, кто в любой беде, воткнув в землю-кормилицу заступ, накинув на плечи худой зипун да засунув за опояску верный плотницкий топор, бестрепетно выходил против любой иноземной силы и – рано или поздно – одерживал верх.

Заворчал Полкан, вылез из-под крыльца, но голоса так и не подал. Впрочем, я не удивился. Кто мимо лесных стражей прошёл незамеченным, на того и пёс сторожевой брехать не станет.

Я пошёл навстречу – а то ведь иначе так и не зайдут. Случалось у меня и такое, как ни дивись.

Летка, остроухая, чёрная с белой грудью породистая лайка, за немалые деньги купленная у знакомого охотника из Будогощи, даже головы не повернула к явившимся – мол, не моё это охотничье дело. Полкана прикормил – вот он и пусть тебе сторожит, а если молчит – так сам виноват; ну а я в лесу работаю.

– Ладно, ладно, лежи себе, – примирительно сказал я. – Никто тебя голос подавать и не заставляет.

Летка уронила лобастую голову на лапы, взглянула как-то грустно, с несобачьей тоскою. – Будет, будет, – успокоил я её. И отворил дверь.

Худенькая девушка, русые волосы сострижены кругом – говорят, мода ныне такая. По словам Арафраэля, знакомого духа Аэра, – «градуированным каре» именуется. Эх, эх, забыли честные девичьи косы...

Куртки-штормовки на моих гостях были самопальными, удобными, под себя шитыми, в меру потёртыми – сразу видно, в лесах эта пара не новички, хотя кто их знает, конечно, пока в деле не побываешь – за ставни век не заглянешь, как говаривали в моё время.

– Здравствуйте! – первой начала гостья. Глаза у неё большие, светло-серые, вот только какие-то блёклые. Не встретишь больше на Русской земле синеглазых красавиц. Перевелись. То ли за океан подались, кому позволили, то ли линзы контактные надели.

– И вам здравствовать, – ответил я, стараясь, чтобы мой бас не перешёл бы в совсем уж неразборчивое рычание. – Входите, гости дорогие, откушайте, что послано...

Посмотрим, что теперь скажешь, голубушка.

– А... спросить можно? – казалось, девчонка вот-вот поднимет руку, точно перво-квашка-отличница. – Кем послано?

Попалась, милая. Завелась с полоборота, как теперь говорят. И даже не думает об осторожности.

– Кто собирал, чьи руки на стол ставили, да чьи слова тем рукам помогали, – спокойно ответил я.

– Неправильно то. Откушайте, чем Бог послал! Вот как надо! – Она укоризненно уставилась на меня. – Потому как всякое яство – от Бога, и радость вся, и жизнь сама...

– Да ты никак сама из обители будешь, что ли? – спокойно спросил я, стараясь, чтобы ничего из моих помыслов не отразилось в голосе. Хотя мысли лезли, признаюсь, не самые весёлые. Ведь означали эти гости только одно – выследили-таки меня, черноризцы. Выследили, как есть, – не зря по окрестным болотам осенью лазали туристы какие-то странные, что под гитару не Высоцкого с Визбором, а «духовное» пели, думали, я не услышу, что ли?

За тремя болотами хоронились, за семь вёрст почти – да только я всё равно услышал.

– Из обители, Свято-Преображенский монастырь, что в Новгороде, – так же спокойно кивнула мне гостья. Странно – на монашку совершенно не похожа. Да и парень – бицепсы гимнасту впору. Таких в молельне да на монастырском подворье не накачаешь.

– А раз из обители, то и ладно, – свернул я опасный разговор. Не время пока их сверх меры дразнить. – Входите, не чинитесь, у порога не стойте, пятого зазывания ожидая! А зовут-то вас как, гости дорогие?

– А... Я вот – Лика, а он, – девчонка мотнула стриженной головой, – он у нас Ярослав. Правильно?

Напоминаешь ему словно, чтобы из роли не вышел, имя, на день придуманное, не забыл. Видать, плохо моё дело. Даже в мелочах норвят ущучить и уязвить. Вот как с этим именем.

– Умгу, – выдавил из себя парень, набычиваясь и опуская взгляд. Разговаривать он явно не желал. А ещё – он меня боялся. Не по-хорошему боялся, как опасается настоящий солдат сильного врага – что и помогает тому солдату не лезть на рожон, а драться с умом и толком.

Бойся, детинушка, бойся. И не таких, как ты, повидал я за немалый срок. Разные приходили, разноязыкие и разных поверий, и за глазами их раз за разом являлось мне всё то же – жгучая ненависть, густо смешанная со страхом.

И на ёлку влезть, значит, и штанов смолой не замарать. Что в конце концов всех их и губило.

Гостья моя слегка замешкалась, представляясь – имечко-то явно вымышленное. Не хотела, как видно, называть монашеское прозвание, которым нарекли в обители. Эх, эх, черноризцы, хотя и кланяетесь вы Белому Христу, а всё равно старые обряды крепко помните, хотя даже и себе в том не признаётесь, боитесь. И правильно делаете. Ведь если назвать своё подлинное имя, отдаёшься во власть его услышавшего. Всё ты верно писала, Медведица, Урсула, – вот только для кого или для чего?

Ну, так или иначе, долго гостей на пороге не продержишь.

Вошли в горницу. Лица гостей моих разом, как по команде, обернулись к красному углу – однако на треугольной полке для образов был у меня свален всякий нужный в хозяйстве мелкий инструмент, икон же там отродясь не стояло.

И без меня достаточно у Белого Христа молельщиков.

Гости мои – ни он, ни она, похоже, ничуть этому не удивились. Даже не спросили: на что ж, мол, нам, православным, креститься, в дом входя?

Только чуть заметно дрогнули ресницы у той, что назвалась Ликой.

Спутник её быстро оглядел всё вокруг – цепко, остро, умело; похоже, уже прикидывал, чем и как здесь можно драться, коль до этого дело дойдёт.

А оно ведь, похоже, дойдёт, безрадостно подумал я. Эх, вы, иерархи черноризные, девчонок уверовавших на верную смерть ведь гоните.

Впрочем, пока ещё всё ничего, никто никому в горло не вцепился. И я продолжал играть роль радушного хозяина, усадил их за стол. Перекрестились они, бедолаги (глаз с меня не сводя!), слова свои заветные пошептали – а едят едва-едва. И видно ведь, что голодные! – а всё поставленное только попробовали, словно только что отобедали, а у меня – лишь из вежливости. И ещё – осторожничают. Ярослав этот молоко медленно-медленно тянул, точно боялся – жаба на дне окажется. Помилуйте, что вы, давно время таких шалостей прошло; да и не в моих это правилах – гостей травить. В честном бою переведаться, грудь на грудь, или в каких других умениях померяться – это могу, а вот так, ядом – этим только в Царьграде пробавлялись, было время, когда и у нас ту же напасть чуть не переняли, но – пронесло-таки.

Словно бы и через силу, однако всё же поели. Мало-мало – но честь хозяину оказали.

Пора и посерьёзнее разговор заводить. Не закусывать же тебя сюда принесло, Лика из Свято-Преображенского монастыря!

Я потянулся к пытящему самовару.

– Чайку?

– Это можно! – откликнулась Лика, повернув ко мне своё округлое, не без приятности лицо; и совсем хороша вышла бы дева, – но вот глаза эти блёклые... Ровно у мертвеца, убереги нас силы лесные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.